

Арно Царт

Первое появление птицы Хуа

Закатал рукава Мичурин в юбке,
подоткнул подол, достает ножик сапожный –
скрещивает пишущую машинку
с мужественным шариковым стержнем,
птицу Хуа выводит.

В голубином небе колышутся лисьи хвосты.
Золотистая травка из-под земли полезла.
Воскресают мертвые –
рождаются нерожденные –
повсюду столпотвор ренье.

У входа в пушной магазин
белогрудая весенняя лисица
благодушно потякивает на прохожих.
Ей почтительно отвечают,
кланяются.

Вчера ночью, взлетев на порфирную вазу,
в Чернильном парке заговорила
глубокими синими стихами
птица Хуа. Кто услышал –
сегодня проснулся бессмертным.

Итак, опять Царт... Публикуя его новые стихи без указания, кому из представителей семейства Цартов (уже довольно многочисленного) они принадлежат, мы понимаем, что рискуем не выполнить требования, поставленного не так давно родоначальницей этого славного семейства (см. примечание к стихам Арно Царта в сборнике Елены Шварц "Корабль": "Все, пользующиеся его именем – самозванцы, или, возможно, незаконные дети, но в таком случае они обязаны подписыватьсья А. Царт-Фис или А. Царт-младший"). Мы готовы принести свои извинения. Утешаем себя лишь тем, что остаемся верны духу

Второе появление птицы Хуа при церемониальном Обновлении
Имени

Имя свое люблю
повторять, пока язык не
одеревенеет,
как доска печатная, на которой
вырезает умелый мастер
мои тетраграммы.

Из раннего А.Ц.

Друг посоветовал: ну-ка сходи в управу.
На дворе весна, пора и тебе, Арно,
подновить потускневшее имя –
разве не стыдно посреди обновленной природы
по-старому называться?

Из дома вышел с рассветом.
Проходя мимо Чернильного парка,
видел собственными глазами
птицу Хуа: сидела, набычясь,
у пруда, на порфирной вазе.

Мутный глаз, подернутый пленкой,
смотрел как полуденная луна.
Звуки, похожие на тушеных зайцев,
из нее вылетали – ишь ты, охрипла,

Я подумал о высоких моральных свойствах,
о Пяти Началах и Четырех Опорах,
о Пути ~~инициации~~ чиновника, если он составляет
горестную докладную записку
с перечислением бед государства.

Только подумал – появляется некий старец,
окруженный синими облаками.
Среди бледных деревьев мелькает
черная, с верхом квадратным, шапка
о пяти хвостах золотистых.

той игры, которая была затеяна создательницей новой литературной маски. Пусть читатель сам решит: подлинный перед ним Царт или мнимый? – Ред.

— Никак, ты, Арно, собрался писать прошенье,
чтобы новое имя тебе начальник присвоил?
Неужели хочешь двигаться в ногу
с нынешним испорченным веком,
древней стойкостью пренебрегая?

Собираюсь ответить — но язык во рту, как дощечка,
стучит об зубы, не ворочается, не гнется:
передо мною стоит Учитель,
сойдя со старинного портрета,
который висит в управе.

— Оставайся самим собою, Арно.
Друг друга сменяют весна и осень,
ты не птица Хуа, чтобы у ворот Казенных
оставлять гору сброшенных перьев,
во рок бумажной кожи,

— Там сегодня с утра закипит работа:
появятся новые распоряженья,
еще не ведомые указы.
Чиновники по углам разбегутся,
как черные тараканы.

— Оставайся, не отвлекай их — сегодня
горячий день предстоит начальству.
Я, Мо-цзы, если уж так неймется,
самолично дарю новое имя:
отныне будешь Мо-цартом,
но переназывать не вздумай!

Третье появление птицы Хуа (на шелковом свитке)

Вместе играли в бу.
Голышом купались в одной канаве.
Шествует нынче под балдахином.
Четыре собаки сопровождают
его прогулки по Чернильному парку.
Были друзьями!

Пошел по художественной части.
Одну только и научился
птицу Хуа рисовать – и то в одной лишь
позиции: на вазе порfirной
сидит враскоряку,
пурпурный клюв раскрывши.

Весь окружающий воздух
вобрала в себя – готовится крикнуть в рифму.
Кусты жасмина стоят бездыханы.
Замерли карликовые сосны.
В мертвой коралловой роще
Великое Ожиданье.

Сам Начальник уезда
облизал указательный палец,
когда перед ним развернули
этот шелковый свиток:
Вот настоящий мастер!
тайное понимает.

Бедный мой провинциальный городишко!
Теперь человеку со вкусом тонким
и на улицу не выйти – отовсюду:
из окна лавочонки, с крыши собственного туалета
птица Хуа готовится крикнуть,
пурпурный клюв раскрывши.

Все говорят: похожа до одуреши.
Ах, живую Хуа никто не видел!
Даже мой школьный приятель –
от меня услышал, непослушной кистью
ударил по натянутому шелку,
словно падкой по барабану.

Попросите его, пускай нарисует
хотя бы ничтожного человека –
сами увидите: заскрежещет зубами,
схватит обидчика за горло.

- Я-де служу великому искусству,
тайное делаю очевидным!

А что за тайна, если мало умеет?
Был у нас учитель сумасшедший,
все - учил он - явленные вещи
суть Небесные птицы. Художнику должно
якобы зримое пространство
чуткими исследовать ушами.

Только сойку да воробья изображай,
совершенства добьетесь.

Четвертое появление птицы Хуа (из-под снега)

Чернильный парк побелел.
Скрылись под белой тушью
памятники Су-Дун-по и Крылову.
На плечах генерала Ван Вэя
белые эполеты.

Вместо птицы Хуа -
холмистая шапка снега.
Двое в хинганских ушанках
по-военному вышагивают
около входа в парк.

Ходят, как по линейке,
туда и обратно. Безмолвна
живопись, но стихи рождает.
Облака разговорного пара
обворачиваются иероглифами.

Плынет над парком в пару крылатом
девиз нынешнего Правленья:
Мелиорация и Благоденствие.
Птица Хуа безмолвна, а все же рождает
высшие соображенья.

Тонкие государственные мысли
даже во сне, из-под шапки снежной,
побуждают к широкому взгляду на вещи.
Двое в хинганских ушанках
дуют в окоченелые ладони,
приплясывают. Холодно.

Еще более жалобные пушки

1.

Облюбовал замечательное место
для ежевечерних медитаций:
сажусь верхом на старинную пушку,
что во дворике арсенала
превращена в мусорную урну.

Ствол уставил в серое небо.
Два колеса в человеческий рост.
Сажусь верхом и куда-нибудь еду,
где меня еще не бывало,
где человеком не пахло.

2.

Был на выставке. Видел картину:
дворик бывшего арсенала
полон бывшими пушками, из-под снега
смотрят виновато и печально
и не стреляют.

Ходил на концерт. Когда барабан ударил —
напала на меня икота.
Икаю и думаю: отчего бы это?
Наконец понял: отеческий дым канонады,
памятной по прежнему рождению.